

Вечность и еще два дня

Автор:

Владимир Колычев

Вечность и еще два дня

Владимир Григорьевич Колычев

Роковой соблазн

До поры до времени Полина жила спокойно и по-деревенски размеренно: ухаживала за больной матерью, вела хозяйство. Пока не ворвался в ее жизнь крутой бизнесмен, муж старшей сестры. Не смогла Полина устоять от соблазна. Тут-то все и началось. Сначала выяснение отношений с сестрой и бывшим женихом из местных, а потом и вовсе кошмар – настоящая война с бандитами. И невдомек вчерашней покладистой девушке, кто и зачем подослал к ней этих отморожков и ради чего ей пришлось взять в руки оружие и начать мстить...

Владимир Григорьевич Колычев

Вечность и еще два дня

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Колычев В. Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

Бока у кувшина крутые, с резким переходом на «талию», глиняные, слегка шероховатые, но все же приятные на ощупь и теплые от парного молока. Пальцы Полины нежно, с тихим, едва слышным шорохом скользнули по кринке вверх, неторопливо, но быстро развязали тесемку, сняли марлю, аккуратно уложили ее на стол. Одной рукой Полина взяла кувшин за горлышко, другую подставила под донышко, наклонила над глиняной кружкой без ручек. Звонко, с мелодичным переливом зашелестела молочная струйка. Звук уплотнялся, пока не оборвался, булькнув на прощание.

Мама качала головой, глядя на заботливую дочь. В глазах ее читались и восхищение, и укор.

Молоко парное, вкусное, с ароматом утренней росы на веточке мяты, но не свое. Каждый вечер Полина ездила в поселок. Молоко тетя Нелли отдавала ей задаром, а творог, сметану, масло приходилось покупать или обменивать на фрукты и всякую огородину.

Мама пила молоко неторопливо, маленькими глотками, с тяжелыми выдохами в паузах. Кружку она держала двумя руками. Слабые артритные пальцы мелко дрожали, а глаза строго смотрели на Полину.

Маму разбил паралич. Руки еще кое-как слушались ее, а сидеть она не могла, только лежать. Если и ходила, то лишь под себя. Полина обмывала ее, обстирывала, кормила с ложечки.

Мама не упрямилась, позволяла заботиться о себе, но кружку вечернего молока должна была выпить сама. Это святое. Прежде у нее получалось, а сегодня вот не заладилось, пальцы разжались, и посудина вывалилась из рук. Часть молока

пролилась на одеяло, но кое-что осталось в кружке. Полина поймала ее на лету.

– Ну что же ты?.. – с осуждением спросила мама, посмотрев на дочку.

Голос ее звучал глухо, но Полина услышала в нем звонкие истеричные нотки, на которые так богата была Варвара. Сколько помнила Полина свою старшую сестру, столько и была у нее без вины виноватой.

Полина даже парня у нее умудрилась отбить. Варваре было семнадцать, а ей – одиннадцать. Миша тогда просто хотел позлить старшую сестру и громко, на публику пообещал жениться на младшей. Прошли годы. Рано овдовевший Миша и в самом деле позвал Полину под венец. Это и сподобило Варвару на очередной вздорный вывод. Она решила, что младшая сестра посягнула на ее кавалера.

Скандалом эта глупость не обернулась, потому как Миша давно уже никого не интересовал. Полина ему отказала, а Варвара и знать его не хотела.

– Все хорошо, мама, – сказала Полина, взяла чашку, поставила на стол и глубоко вдохнула, настраиваясь на мирный лад и долгое терпение.

Мама не совсем справедлива к ней, но всему виной болезнь, которая влияет на ее характер. Полина давно уже смирилась с этим.

В свое время она окончила медицинское училище, пять лет отработала сестрой в городской больнице. Уход за парализованной матерью можно было считать продолжением этой великолепной карьеры. А домашнее хозяйство и вовсе святая обязанность для женщины.

Дом у них был хороший, отец построил его лет двадцать назад. Он тогда хорошо зарабатывал, взял пять гектаров земли, прилегающей к озеру, поставил крепкий сруб из бревен полуметровой толщины, одноэтажный, но многокомнатный. Местный умелец срубил мебель из березы. Комнаты были обставлены на городской лад, вода подведена. Еще бы газовое отопление, и цены дому не было бы. Сарай, хлев, курятник, баня – все было. Имелся даже глубокий ледник, хотя им они и не пользовались. Спасибо холодильнику. Сад, огород пятнадцать соток, две теплицы. Хлев пустовал, но Полине хватало работы и без скотины. Она весь день, от рассвета до заката, пахала как проклятая.

– Да где уж хорошо-то? – Мама вздохнула, закрыла глаза, поморщилась и опустила уголки губ.

Говорить она ничего не стала. Полина сама должна была все понять. «Утка» стояла под кроватью. Вынести ее – не самое сложное дело. Завтра банный день, маму нужно будет вымыть, не поднимая с кровати. Но так это будет завтра, а сегодня – всего лишь «утка».

Из дома Полина вышла уже в темноте, под луной и звездами. Ветер с озера принес комаров и прохладу. Над ухом тонко загудело, но Полина даже не отмахнулась, привыкла.

На самом деле комаров у них не так уж и много. Озеро чистое, берега не заболочены. Слева сосновый бор, справа луга. Там полынь и мята, которую эти кровососы не любят. А в доме их и вовсе нет, ночью можно спать спокойно.

Полина опустилась на скамейку, за день прогретую солнцем, откинулась на гнутую спинку, измученно улыбнулась, вспоминая былые времена. Отец привез эту лавку из города, вроде бы купил, но мог и стянуть из городского парка. В девяностые годы люди как будто с цепи сорвались, всю страну по углам растащили. Отец тогда дальнобойщиком работал, машины из-за границы возил, скорее всего украденные. Рисковал очень, боялся, в каждый рейс уходил как в последний бой, зато зарабатывал хорошо, пока под пулю не попал. Ранили его тогда тяжело. Врачи полжелудка вырезали, перевели на инвалидность. Так он до конца и не оправился, а в позапрошлом году и вовсе отошел в мир иной.

Чуть погода слегла и мама. Варвара мигом нашла выход из положения, назначила сиделкой младшую сестру, причем сделала это с присущим ей кичливым пафосом, разрекламировала себя на всю округу. Как будто Полина не собиралась ухаживать за матерью, но Варвара – добрая душа – заставила ее.

А Полина к тому времени уже и с работы уволилась, и к маме перебралась. Варвара громко обещала оплачивать услуги сиделки. Деньги она действительно высылала, но по чуть-чуть и не регулярно. Их только на лекарства и хватало, да и то не всегда.

Выручали огород, хозяйство и мамина пенсия. Корову Полина не держала, но куры и утки у них водились. Несушки исправно поставляли яичко-другое к

утреннему столу. Завтра с утра нужно будет корму птицам задать, уток выпустить на озеро, там им раздолье.

Да и самой можно будет искупаться. Утром... или сейчас?

Полина качнула головой, вытянула губы уточкой. Что-то не хотелось ей подниматься и куда-то идти. Лето уже на второй половине. Днем вроде бы тепло, а ночью не очень. Вода в озере прохладная, благодать в ней после жаркой парилки. Выскочить по темноте голышом, сигануть с мостков и плыть, представляя погоню за собой.

Однажды она гостила здесь, в деревне, с Андреем, привезла его из города, познакомила с отцом, с матерью, а ночью они отправились купаться. Полина ему поддалась. Он смог догнать ее и обнять крепко-крепко. Повторить бы. Но Андрей уже безнадежно в прошлом, женился, готовился стать отцом.

Не сложилось, не судьба. Такое бывает. Но как же обидно. Так и затянула бы заунывно «Степь да степь кругом», да мама услышит, звать начнет.

Из темноты под свет фонаря выбежал Дружок, ткнулся в руку мокрым носом.

– Ух ты, животное лохматая! – сказала Полина, улыбнулась и потрепала пса за холку.

Шерсть у Дружка пышная, но пыльная, местами спутанная, как будто мышки в ней гнезда свили. Пройтись бы жесткой щеткой от холки до хвоста, дрянь всю вычистить. Сегодня сил хватит лишь на то, чтобы снять со спины собаки головку репейника.

Все-таки Полина поднялась и пошла за щеткой. Завтра тоже будет некогда, особенно если откладывать все на потом.

Дружок вытянулся на лапах, поднял холку, наострил уши, настороженно повел головой в сторону калитки, предупреждающе гавкнул и побежал, указывая путь хозяйке.

За калиткой у фонарного столба руки в брюки стоял Миша. Рослый, кряжистый. Левая нога выставлена вперед, правый локоть отведен в сторону, в зубах «беломорина». Полине казалось, что он вот-вот сорвется с места и пойдет в пляс под скрипки сверчков. Кровь у него пьяная, настроение ухарское. Полине даже не надо было принюхиваться, чтобы это понять.

Когда Миша трезвый, он тише воды, а под мухой мог и нахамить, на свою покойную жену иной раз руку поднимал. Это если верить молве, которая, конечно, врет, но не всегда.

– Светит месяц, светит ясный!.. – с папиросой во рту прошамкал Миша.

Тридцать четыре года мужику, а выглядит на все сорок, если не больше. Кожа грубая, темная не столько от солнца, сколько от пота, перемешанного с землей, зубы коричневые, с гнильцой, да и то не все. В верхнем ряду их заметно ubyло, особенно передних, а ему и дела нет. Борода кудлатая, прокуренная, да и без того вид у мужика запущенный.

– Шел бы ты домой, месяц ясный, – из-за калитки сказала Полина и покачала головой.

Отец ставил забор на века, на бетонные столбы, но высоко поднимать его не стал. Штакетины едва доходили до уровня груди. Если бы Миша захотел, то перемахнул бы через такую ограду в два счета. А если бы захотел еще сильнее, то и Дружок с его зубами не стал бы ему помехой.

– Да, ясный, – подтвердил Миша.

– Ясный. Но грязный.

Пиджак на нем замусоленный, с засаленными рукавами. Черные в серую полоску брюки никогда не знали утюга. О том, что там под ними и сколько оно не стирано, можно было только догадываться. Впрочем, неряшливость для Миши – это, в общем-то, давно уже естественное состояние.

А ведь Варвара когда-то замуж за него собиралась. Правда, она и сама давно уже в это не верила.

– Да где же грязный-то? – Миша шлепнул ладонью по боковому карману пиджака, стремительно приблизился к Полине, дыхнул на нее сивушным перегаром с едкой табачной закисью.

Но куда больше ее злил запах отродясь не леченных зубов.

– И небритый.

– Почему небритый? Борода у меня. Бабам нравится! – Он закинул руку поверх калитки, нащупал засов, но Полина и не пыталась его остановить.

Она еще с вечера закрыла ее на замок.

– Ну вот и давай, иди к своим бабам!

– А ты не баба?.. Фифа городская, да? – осведомился Миша и ехидно скривился.

Полина пожала плечами.

Городской она так и не стала, во всяком случае, с хозяйством справлялась нормально, как самая настоящая деревенская. Это Варвара нос от грядок воротила, маникюры свои боялась испачкать. Полина тоже за собой следила, даже лицо солнцезащитным кремом мазала, когда на жару надолго выходила, ночными кремами пользовалась, которыми Варвара с барского плеча ее одаривала. Но до сестры ей далеко, как по красоте, так и по ухоженности.

Да и в личной жизни у Варвары все замечательно, муж ее любит, пылинки сдувает. С ребенком, правда, не ладится, сколько лет в браке, а все никак. Но так и мама такая же поздняя, замужем с восемнадцати лет, а Варвару только в тридцать пять смогла родить.

– Не нравятся тебе свиные рыла! – с обидой и вызовом в голосе наседал Миша.

– А ты не будь свиным рылом. – Полина снова пожала плечами, довольно резко глянула на Мишу.

В общем-то, он мужик ничего, пьет не чаще других, работающий. Трактор у него свой, вспахать, накосить, дров привезти – не вопрос, были бы деньги или бартер. Его бы отмыть, приодеть да стоматологу в жертву принести.

– О-хо-хо!.. Мужик мужиком должен быть, а не фанфароном напомаженным. И где Варька себе такого павлина нашла? – проговорил Миша и пренебрежительно сплюнул себе под ноги.

– Жар-птицу.

– Почему жар-птицу?

– Да потому, что летает!

Вадиму сорок два года, но рядом с Мишей он смотрелся бы как сын возле отца, с разницей лет этак в двадцать. Моложавый, спортивный, утонченный, и улыбка у него белозубая, а какая пронзительная глубина в глазах!.. Ему бы в кино сниматься, а он автозапчасти продает, зарабатывает на этом, правда, очень хорошо. Дом у них свой, квартира в Москве, Варвара каждые три года машину себе меняет. Повезло ей с мужем.

Но Полина не столько завидовала сестре, сколько жаловалась на себя. У нее-то в жизни все наперекосяк, и Миша – не выход из положения. Не любит она его, не будет ей с ним счастья. Зачем же тогда замуж?

– Ой-ой! Летает! Как бы не упал!

– Если упадет, то прямо на тебя, – с усмешкой сказала Полина.

– А я не летаю? – Миша насупленно глянул на нее.

– Ты, конечно, ясный. Но не сокол.

– И замуж за меня ты не пойдешь?

– А это прямо сейчас надо сделать?

– Ну, не прямо. И не сейчас. Вообще надо!

– Вот вообще и приходи. Завтра. А лучше послезавтра.

– Да ладно тебе! Вечер-то какой! Пойдем прогуляемся! К озеру можно. А помнишь, как ты за мной и Варькой бегала? – Миша хитро сощурился, при этом приподнял верхнюю губу, обнажил брешь в зубах.

А ведь был когда-то первым парнем на деревне. Полина и в самом деле за ним следила, когда он гулял с сестрой.

– Давно это было. И неправда, – заявила она.

– Да ладно, давно! Как будто вчера!

– Давно, Мишенька, давно!.. Спокойной ночи!

– Эй! – Миша потянул руку, пытаясь ее остановить.

Но Полина продолжила движение, показала ему спину. А Дружок угрожающе гавкнул, пресекая поползновения этого типа.

Утро началось с малины и смородины. Пока не накатила жара, Полина привела в порядок все кусты, обрезала больные ветки и ненужные стебли, затем переключилась на пернатую живность. Курам можно было задать кукурузу прямо в початках, у кур острые клювы, им все равно, а вот уткам – нет. Полине пришлось вышелушивать зерно, смешивать его с тыквой и люцерной. Такое угощение пришлось уткам по нраву. Забавно было слушать, как они крикают от удовольствия. Куры остались во дворе, а уток Полина вывела к озеру и строго-настрого наказала им не заплывать в овражек с толстым слоем ила на дне.

Отец когда-то вывел туда, в этот самый овражек, прямо в камыши канализационную трубу ради удобств в доме. Впрочем, характерного запаха там вроде бы не было, а значит, и переживать нечего.

Мама с утра не капризничала, съела манную кашу, яйцо всмятку, ломтик хлеба со сливочным маслом, выпила чаю. Полина убралась за ней, натерла тело спиртовым раствором там, где назревали пролежни, сделала массаж рук, ног.

Она изрядно умаялась, но не остановилась, снова занялась огородом. Клубника уже отошла, но сорняк пер вовсю. Нужно было прополоть грядки, взрыхлить почву, удалить кусты, отжившие свое, посадить новые, подкормить удобрениями. И все быстро, потому как огород большой. Огурцы, помидоры, картофель, капуста, свекла, морковь, тыква, кукуруза, подсолнухи. В саду деревья обрезать, с вредителями бороться. Весь день как заведенная, присесть некогда.

А вечером Полина растопила баню, которую отец ласково называл душегубкой. Бревно крупное, печь жаркая. За три-четыре часа парилка превращалась в настоящий ад, но Полина и не собиралась доводить ее до этого. Да и дрова нужно было экономить. Они немалых денег стоят.

Дым из трубы валил густо, длинными сизыми облачками плыл к озеру, когда на дороге со стороны поселка появился знакомый темно-серый внедорожник. Полина пожала плечами, глядя на эту машину. Варвара могла бы и позвонить, предупредить. Мама тогда приготовилась бы к ее приезду. В обыденности тоскливых дней пудриться и губы напомаживать ей было ни к чему, но к визитам старшей дочери и дорогого зятя она приукрашивалась как на бал.

Да и Полина совсем не прочь была привести себя в порядок. Ей не хотелось выглядеть в глазах Вадима законченной клушей. Надо было бежать в дом, переодеваться, краситься. Но мама потребует внимания, время бездарно растратится. Некому будет встретить сестру и зятя, открыть им ворота.

Варвара приезжала частенько, пару раз в месяц, и почти всегда без предупреждения. Не человек, а просто снег на голову. Ей нравилось заставлять людей врасплох, пребывать во всеоружии собственной красоты.

Полина изучила свою сестру вдоль и поперек, знала, что Варвара всегда одевается эффектно, выглядит ярко, но все же попала под впечатление и даже была посрамлена. Это на радость Варваре, которая просто обожала измываться над младшей сестрой. Прическа у нее высокая, но в новом оформлении, незнакомые сережки с топазами под цвет глаз, брючный костюм, который

смотрелся бы одинаково актуально как на пленэре, так и на вечеринке в ночном клубе. Роскошные волосы, изюминка в каждой черте красивого лица, сочные губы, безупречная фигура. Это все про Варвару. Она похожа была на солнце, такая же ослепительная, обжигающая и недостижимая.

– Привет, сестренка! – Варвара подходила к Полине, раскинув руки, как будто хотела обнять, расцеловать, но лишь пошевелила губами, подставила щеку и даже носик брезгливо наморщила.

Ну да, меньшенькая же вся в делах, в заботах, потная, грязная, еще испачкает, чего доброго. Полина и хотела бы проучить сестру, чтобы не задавалась, но все же поцеловала подставленную щеку. Варвара захлестнула ее как морская волна и потащила обратно на дно жизни, с которого она, в общем-то, и не поднималась.

Вадим не мудрствовал и нос от Полины не воротил. Он шел к ней медленно, не спеша, но приблизился быстро. Его левая рука вдруг оказалась на ее талии, а губы влажно коснулись щеки у самых губ.

Полина вспыхнула. Она представила его правую руку на своей груди. А он ведь действительно едва не коснулся пальцами соска, который вдруг затвердел, налился томительной тяжестью и рельефным контуром проступил сквозь тонкую ткань халата.

Вадим должен был это видеть, потому что смотрел именно туда. Халат у Полины тонкий, тесный, а грудь большая, полновесная. Как бы пуговицы не разлетелись от душевного напряжения.

– Березой пахнет, – сказал Вадим, отстранился от Полины и бутоном раскрыл пальцы перед своим носом.

– Дровами, – уточнила Варвара, подозрительно глядя на него.

Она, конечно же, ревновала своего мужа. Полина ее прекрасно понимала. Поэтому она и пятилась от Вадима, хотя он вовсе и не думал обнимать ее, лезть под пуговицы.

– Березовыми, – заявил Вадим.

– Так баня же.

– А я как раз пивка взял.

– Вместе пойдем, – сказала Полина.

– Да? – То ли Вадим это сказал, то ли просто громко подавился.

Варвара оторопело уставилась на сестру, но Полина и глазом не моргнула.

– Маму перенесем, – сказала она.

Действительно, почему бы не воспользоваться возможностью и не попарить маму в бане? Полок там широкий, длинный. На нем можно лежать в полный рост. И намыть, и напарить, и веничком нашлепать.

– Ага. – Вадим провел рукой по затылку, как будто унимал этим бунт в голове.

– Мама вас ждет, – сказала Полина, взглядом показала на дом и тут же посмотрела на ворота, которые должна была закрыть.

Вдруг Миша нагрянет? Сегодня суббота, он уже, должно быть, опохмелился, теперь и пакостей спьяну наговорить может не только ей, но и Варваре. Вадим полезет в драку, а Миша мужик здоровый. Быка-то, может, он с одного удара и не убьет, но задуматься заставит.

– Да, мама. – Варвара вздохнула, настраиваясь на непереносимые тяготы общения с тяжелой больной.

Тяготила ее мама. Это чувствовалось во всем. Но Полина сестру несколько не осуждала. Так уж устроен человек. Пока не засунешь его в колесо, не будет он крутиться в нем как белка. Полина была поставлена перед фактом и засучила рукава.

Варваре совсем не обязательно снимать белые перчатки. А ведь если ткнуть ее носом в «утку», привязать к маме, не оставить выбора, то она как миленькая и выносить будет, и подмывать. А ведь эта краса неземная все умеет. Она и в хлеву раньше шустро управлялась, и огород весь в одиночку могла перелопатить. Это сейчас Варвара белоручку изображает, но если жизнь заставит...

– Пойдем. Надо поздороваться, – невесело сказал Вадим.

Мама ему не родная. Его неприятие можно было понять, но в дом он тем не менее зашел первым.

Варвара держалась за ним. Прежде чем переступить порог, она осенила себя крестным знамением.

– Ты чего это? – одернула ее Полина.

Мама еще не умерла, а она уже крестится, как будто в избу с покойником входит.

Варвара все поняла, смутилась, но тут же заявила:

– Да будет тебе!

– Я в баню, жар убавлю.

В баню Полина заходила, пожимая плечами. В общем-то, огонь можно и не убавлять, достаточно будет распахнуть настежь окно и все двери. Жар схлынет, в парилке будет просто тепло. Мама помоеется, а потом уже им с Варварой можно будет попариться. А печь и дальше пусть греет. Вадим любит погорячей.

Из парилки она выходила, чувствуя, как тело мокнет под халатом. Ощущение привычное. Полина знала, как охладить себя. Надо расстегнуть верхние пуговицы и помахать лацканами, как кузнечными мехами, нагнетая воздух под халат. А можно еще и подуть на грудь. Так она и сделала – расстегнула, подула.

Для этого ей пришлось опустить голову, а ноги уже вынесли ее из жаркого предбанника в мягкую прохладу вечера. Вадим шел ей навстречу, спешил или только вид делал. Как бы то ни было, они столкнулись, и Полина оказалась у него в объятиях. Мало того, он вольно или невольно заглянул под распахнутые лацканы халата.

Полина пугливо вскрикнула, отскочила, запахнулась.

Вадим безобидно усмехнулся.

– Чего ты?

– А ты чего? – Она глянула на него в замешательстве, исподлобья.

– Да так, посмотреть пришел. – Он повел взглядом в сторону двери.

– А не надо смотреть! – Полина лихорадочно застегнула пуговицы.

– А если интересно?

– У себя смотри! – на ходу на пути к дому бросила она.

– Шуток не понимаешь? – донеслось ей вслед.

Отсутствием чувства юмора Полина не страдала, равно как и синдромом девственницы. Перспектива остаться в бане наедине с мужчиной ее ничуть не пугала, как раз наоборот. Но это смотря с каким мужчиной. Уж лучше с Мишей согрешить, чем с Вадимом. От одного ее тошнило, от другого бросало в жар, но уж лучше первое, чем второе. Потому что нельзя спать с мужем родной сестры. Полина поняла это давно, еще до того как Варвара надела на палец обручальное кольцо.

Раньше Варвара запросто таскала воду полными ведрами, в одиночку могла быстро наполнить большую бочку. Сейчас она с той же легкостью изображала из себя кисейную барышню.

С мамой пришлось управляться вдвоем. Полина взяла носилки спереди, Вадим сзади. Они вместе укладывали маму на полку в бане. При этом он как будто ненароком прикоснулся локтем к груди Полины. А может быть, она и сама прижалась к нему. Случайно.

Варвара стояла по ту сторону двери, на свежем воздухе. Видеть этого она не могла, появилась потом, когда мама уже лежала на полке и Полина поливала ее водой. Сестры были без ничего.

Вадим, конечно, мог заглянуть к ним, но Полина этого не хотела бы. Дело тут было не только в природной стыдливости. Полина понимала, что начисто проигрывает родной сестре по очкам. У Варвары фигура модельная, грудь пышная, идеальной формы, бедра узкие, ноги длинные, ровные. Живот плоский, пресс подкачанный, Полина чувствовала себя квашней на ее фоне. Работала она от зари до зари, вроде бы и не толстая, но жирок на животе угадывался как спереди, так и по бокам. И бедра широкие, и грудь какая-то бесформенная. Вроде бы высокая, упругая, но не было в ней того изящества, что у Варвары.

Полина сама вымыла маму, Варвара всего лишь подавала ей мочалку, гель для душа, веничком немного по спине похлестала. Но мама смотрела на нее с безграничной благодарностью и нежностью, которой Полина давно уже не знала. Растрогалась мама, заплакала. Не всхлипывала, не кривила губы, напротив, даже улыбалась, а слезы градом катились по ее щекам.

– Спасибо вам, доченьки, – сказала она и закрыла глаза.

Полина встревоженно глянула на маму. Уж не померла ли? Варвара же о таком исходе даже не задумывалась. Ее волновало другое.

– Одевайся, – сказала она. – Сейчас Вадим придет.

Полина кивнула, с трудом натянула отсыревший халат на голое тело. Варвара окинула ее недовольным взглядом, качнула головой и позвала мужа. Сама она одеваться не собиралась, да ей и не нужно. Сейчас ополоснется, пока Полина будет корячиться. Но так она же сама назвалась груздем, ей и тащить кузов.

Полина шла впереди, Вадим держал носилки сзади. Его взгляд жег ее спину. Халат прилип к телу, ей казалось, что он вот-вот лопнет по швам.

Но ничего подобного не произошло. Ни швы не треснули, ни пуговицы не оторвались.

Полина сменила постель заранее. Сестры положили маму в чистом на чистое. Она с удовольствием и с шумом вздыхала, как это делала, когда пила чай.

– Я пойду? – спросил Вадим.

Ему явно не терпелось на свежий воздух. Похоже, Полина досыта накормила его заботой о теще. Как бы не уехал домой на ночь глядя. А если вдруг, то скатертью дорога. Никто не собирается держать здесь его и Варвару. Чай, не на пикник приехали, а больную мать проведать.

Полина удобно уложила маму, напоила ее чаем с травами, не забыла поцеловать. В хлопотах она забыла про мокрый халат, в нем и вышла из дома, когда управилась. Влажная прохлада мягко обняла ее, как будто мужчина легонько прижался сзади. Ей захотелось вдруг сильных ощущений, но Вадима нигде не было. «БМВ» стоял на месте.

Дверь в баню была закрыта. Из трубы густо валил дым. Видимо, Вадим подбросил в печь дровишек.

Он мог задать жару и Варваре. Полина представила ее в объятиях мужа. Вот Вадим ставит ее коленями на нижний полоч. Локти она кладет на средний, а подбородок – на верхний. Он резко прижимается к ней сзади...

Полина тряхнула головой, пытаюсь привести себя в чувство. Что это на нее нашло? Вадим и Варвара – муж и жена. Глупо возмущаться их поведением. Преступно перед сестрой.

Полина босиком рванула по тропинке к озеру, пронеслась мимо бани, открыла калитку, вышла на мостки. Раздеваться она не стала, прямо в халате бухнулась воду и не сразу поняла, то ли вокруг нее действительно зашипело и пошел пар, то ли ей все это померещилось.

Никакого пара на самом деле не было, но остывала Полина долго, плавала, пока не устали руки. Она вышла из воды, спряталась за куст, разделась, выжимала

халат и смотрела на баню. Если вдруг Вадим побежит к озеру голышом, то метаться в панике она не станет. Даже не присядет. Спокойно наденет халат, неторопливо разгладит его на себе и пойдет к дому, не оглядываясь.

Вадим не появлялся, но к дому Полина пошла. Дверь бани была открыта, но Полина даже не стала заглядывать за нее.

В доме стояла тишина.

Мама лежала на кровати, а Варвара в оцепенении стояла перед ней, опираясь на спинку стула. Вадим, бледный как мел, обнимал жену за плечи, но ее все равно шатало, стул скрипел.

Полина не спрашивала, все поняла и без этого. Она брала маму за руку, зная, что пульс нащупать не сможет.

– Никогда тебе этого не прощу! – выстрелила ей в спину Варвара.

Полина дернулась, в отчаянии глянула на сестру. Нет, она не собиралась отрицать свою вину. Не надо было тащить маму в баню. Это могло спровоцировать инсульт или сердечный приступ. Но ведь она хотела как лучше. Варвара не смеет ее осуждать.

– Ведешь себя как последняя шлюха!

Варвара винила ее в другом. Как будто Полина согрешила с Вадимом, мама узнала об этом, и у нее не выдержало сердце. Но это же бред! Не было ничего такого, да и быть не могло.

– Это все из-за тебя! – прошипела Варвара.

Легче было оживить маму, чем переубедить ее в этом.

Полина заплакала не в силах совладать с эмоциями.

Глава 2

Ход у трактора натужный, но быстрый. Одним колесом он шел по целине, другим – по уже вспаханной земле. Нож резал землю, предплужник ее взрыхлял. Вспашка глубокая, но ровная, для огорода лучше не придумаешь.

Полина не просила Мишу, он сам подъехал, предложил помощь. Осень, на огороде только ботва, стебли подсолнухов. Все под вспашку.

Мотоблок у Полины тяжелый, слабый, да и запускается через раз, а трактором быстро. Глаз у Миши точный. Он ни единого кустарника не сломал, ни дерева не зацепил.

Миша остановил трактор возле ворот, спрыгнул с крыла с лихостью танкиста, вернувшегося из боевого рейда, отряхнул руки, с залихватским прищуром глянул на Полину и заявил:

– Дело сделано, хозяйюшка!

Полина кивнула, достала из кармана деньги. Миша взял их, пересчитал, вернул большую половину и сказал:

– Только за навоз возьму и за соляру.

Полина качнула головой, отказываясь от бесплатной работы. А сделал Миша немало, весь день, считай, убил. Навоз привез, разбросал, запахал в землю. Большое дело, сама Полина не справилась бы.

– Остальное натурой. – Миша улыбнулся и сунул деньги ей в карман.

– Ага, сейчас! Только баньку растоплю! – выдала Полина и подняла руку, как будто собиралась покрутить пальцем у виска.

– А ты разве не растопила?

– Езжай домой! – сказала она, вынула деньги и ловко вложила их Мише в нагрудный карман рабочего комбинезона.

Не хотела она в баньку, и дело было даже не в Мише. Уже три месяца прошло с тех пор, как умерла мама, а Полина все не могла избавиться от чувства вины. Мама и без того должна была отойти. Все на это указывало. Баня не ускорила процесс, дала телесную и даже духовную чистоту. А еще Варвара приехала. Мама простилась с любимой дочерью и спокойно умерла, намытая и отпаренная, в чистом исподнем. Ее даже обмывать не пришлось.

Полина все это понимала, однако все винила себя. В бане находиться она не могла. Как только зайдет в парилку, так и увидит маму, ощутит на себе ее грустный, прощальный взгляд.

– Я за натуральный продукт сказал. Бутылек поставь! – заявил Миша.

– Я принесу, – сказала она.

– Ну уж нет, вместе посидим! – Миша взял ее за руку, чтобы не ушла.

Полина глянула на него резко, но с любопытством. А ведь нет больше противной бороды, стрижка свежая. Миша помолодел лет на десять. Даже одежда на нем чистая, комбинезон совсем новый, с яркими оранжевыми вставками.

– Только не приставай! – предупредила она его.

Перед ее мысленным взором всплыло вдруг болото, хлипкая тропка через него. По такой дорожке ходить опасно. Тут осторожность нужна и удача. Если повезет, пройдешь и ноги не замочишь, а если нет, утонешь, сгинешь навеки. Может, лучше в обход? Послать Мишу к черту, пусть проваливает!

– Нет, конечно, не буду! – В грудь себя он ударил бодро, а улыбнулся лукаво.

Сейчас у него, конечно, чистые намерения, но водка может все испортить. Не зря ее проклятой зовут.

Полина качнула головой. Нет, не станет она делать ему скидку на водку, просто пошлет лесом, пусть гуляет. Только вот отговаривать его – дело бесполезное. Тут хитрость нужна.

– Ты давай трактор поставь, а потом уже заходи. Я пока на стол накрою.

Полина говорила одно, а думала о другом. Не откроет она ему, не будет никакого застолья. Потопчется он у порога и уйдет. Миша смирный, когда трезвый.

– Так не знаю. Ларка может не отпустить.

Полина вопросительно повела бровью. Знала она эту Ларку. Бабе уже за тридцать, гуляла от всей души, по рукам ходила, а замуж так и не вышла. Теперь вот за Мишу взялась.

– Она баба вздорная, – сказал он и хитро посмотрел на нее.

Дурой будет Полина, если не вцепится в него двумя руками, упустит свой последний шанс. Он мужик справный, бабы за ним бегают, и Полина должна за него бороться. Но это он так думает, у нее свое мнение на этот счет.

– Ну, значит, в следующий раз.

– Когда в следующий раз? – с разочарованием и надеждой спросил он.

– Или сегодня. Но потом, попозже. – Полина кивком показала на ворота и пошла их открывать.

– Жди! – запрыгивая на трактор, с небрежностью гусара бросил он.

Миша уехал, Полина закрыла за ним ворота, но в дом заходить не стала, села на любимую скамейку, опустила голову, сложила руки на коленях. А чего, собственно, она о себе воображает? Мише, конечно, далеко до Андрея, с Вадимом ему вообще никогда не сравняться, но так и она не Венера Милосская в девичестве. Двадцать семь лет скоро, а личной жизни нет, одно только жалкое существование, днем работа, ночью тоска.

Иногда хочется прижаться к сильному мужскому плечу, да так, чтобы аж до костей пробрало, никаких пустот не осталось. А Миша мужик не последний. Первым парнем на деревне был, сейчас вот опять крылья расправляет. Возможно, это Лара положительно на него влияет, но почему она? Почему Полина пустила все на самотек? Разве Миша не предлагал ей руку и сердце? Разве у нее есть какая-то альтернатива?

Полина уже сделала свой выбор, осталась в деревне, даже на работу в сельскую амбулаторию устроилась, на полставки, прививочной сестрой. Зарплата не ахти какая, но ей одной хватает, еще и остается. Дом большой, удобный, обставленный, все есть, все на месте. Урожай собран, зерна, картошки, солений и закаток хватит на весь год, впереди холодная, но не голодная зима.

Мамы нет, даже поговорить не с кем. С ума от одиночества можно сойти.

Полина тряхнула головой, поднялась. Осень, уже темнеет, а впереди долгий вечер, и нечем его занять. Посидели бы с Мишей. Но так не придет же он, Лара двумя руками в него вцепится. Ну и не надо. Даже хорошо будет, если этот тракторист тут не появится.

Работы на сегодня еще много. Рытвины кое-где после трактора остались, их заровнять надо, углы на вспашке подправить. Но почему бы не перенести все это на завтра? Сегодня уже столько всего сделано, что хоть праздник справляй. А почему бы и нет? В баньке попариться, наливочку попробовать.

Наливочки у нее много. Есть вишневая, сливовая, клюквенная. Для гостей делала. Только вот не едет никто. У Варвары свой дом за городом, собственный свежий воздух и баня с бассейном.

О Вадиме Полина старалась не думать, выбросила из головы и Мишу. В баню она пошла в обнимку со своим одиночеством, но без страха, так, как будто ее сопровождал мужчина. Да и не было у нее другого выхода, кроме как открыть банный сезон. Холодно уже для летнего душа, в доме ванной комнаты нет, в тазике на кухне мыться неудобно, а в бане все предусмотрено, даже вода из скважины подведена.

Полина растопила печь, вернулась в дом. Стараясь не думать о Мише, она начистила картошки, спустилась в погреб, взяла банку огурцов, квашеной капусты, соленых грибов, не забыла и о наливочке.

В бане в клубах жаркого пара Полина снова увидела маму, но подумала о Вадиме, вспомнила, как он касался ее. Низ живота налился порхающей тяжестью. Ей захотелось посильней отхлестать себя веничком. А еще лучше было бы вложить его в сильную мужскую руку, и чтобы от всей души, до самых до костей и даже глубже!..

Но сильная мужская рука так и не появилась. Полина вернулась в дом, расчесала волосы, накрасила губы, встала к плите. Сейчас она нажарит себе картошечки, выпьет наливочки, а всех, кто не с ней, пошлет к черту!

Она уже снимала сковороду с плиты, когда за спиной тихонько скрипнула половица. Деревянный дом живет своей жизнью. В нем постоянно что-то поскрипывает и потрескивает, но Полина невольно вздрогнула и замерла. В дом мог зайти Миша. Дружок на него не бросается, а дверь, кажется, открыта. Подкрадываться мужчины умеют.

Пол под ее ногами вдруг превратился в плот, который плыл по спокойной воде. Миша тоже мог встать на этот плот, обнять ее сзади. Сопротивляться нельзя, можно упасть и утонуть.

Только вот пусть Миша на ее покорность не надеется. Полина будет сопротивляться. Она порядочная девушка, и ей не с руки поддаваться настроению, даже если оно романтическое. Может быть, потом...

Полина обернулась и снова вздрогнула. Она не ошиблась, в дом действительно прокрался мужчина. Но это был не Миша.

Перед ней стоял Вадим. Стильная прическа, чистый взгляд, белозубая улыбка, морской загар в сочетании со светлым свитером из мягкой шерсти. Красивый, ухоженный, уютный.

Но за стерильной чистотой в глазах таился дикий зверь с грязными мыслями. Полина видела его похотливый оскал и не боялась. Для животных не существует таких понятий, как чистый и грязный секс. Они живут инстинктами. Там все просто, грубо и от души.

Если этот зверь набросится на нее, то она будет сопротивляться. Наверное...

– Напугал я тебя? – с ироничным нахальством спросил Вадим.

– Вы с Варварой – два сапога пара, – пробормотала Полина.

– Один сапог приехал. Сковородочку-то отдай! – Одной рукой он взял ее за предплечье, мягко коснулся локтем груди, второй отобрал сковороду с картошкой.

– А где Варвара?

– Все. – Вадим опустил сковороду на подставку.

– Что все? – не поняла Полина.

– Расходимся.

– Как это расходитесь? – Она не могла поверить своим ушам.

– У тебя мужчина вообще когда-нибудь был? – Вадим смотрел ей в глаза, с улыбкой приглашал на серьезный разговор.

– Да, был.

– Как вы с ним разошлись?

Полина пожала плечами. С Андреем она прожила почти три года, можно сказать, в гражданском браке. Разошлись они, в общем-то, как муж и жена, со скандалом.

– Вот и мы так же, – сказал Вадим и усмехнулся.

– Странно.

– Ничего странного.

– Странно, что ты здесь. – Полина исподлобья глянула на него.

Если Вадим хочет пожаловаться ей на Варвару, то пусть ищет другую жилетку. Полина обиды на родную сестру не принимает, на ее мужа никаких видов не имеет и планов на него строить не будет. Вадим ей нравится, даже более чем, но подбирать то, что с воза упало, она не станет. Нехорошо это, даже подло.

– Да я проездом. Голоден как черт. – Вадим кивнул на сковороду, глянул на вырез ее халата.

Полина инстинктивно застегнула верхнюю пуговицу, но совесть ее это не успокоило. Ей стыдно стало за свою слабость в мыслях и желаниях. Полина должна была гнать от себя зверя, которого увидела в глазах у Вадима, а она вдруг захотела подружиться с ним. После того как он бросил ее сестру.

Халат у нее теплый, махровый, длинный и мешковатый, но под ним только ночная рубашка на голое тело. Волосы чистые, начесанные, распущенные. Полина понимала, почему Вадим смотрел на нее как кот на сметану, но раздражения почему-то не испытывала. За сестру она его осуждала, а за себя не злилась.

– Иди в горницу, я сейчас.

Вадим кивнул и вышел с кухни.

Полина приложила руки к груди. Только что ее бросало в жар, а сейчас ей вдруг стало холодно. Печь она протопила с утра, в доме было тепло. Но так это не тело, а сама душа мерзла.

Вадим чувствовал себя как дома, включил телевизор, развалился в кресле. С собой он привез две бутылки коньяка, обе поставил на стол. Сумки нигде не было. Наверное, он уже забросил ее в ту спальню, которую считал своей.

Полина накрыла на стол, Вадим разлил коньяк по рюмкам, они выпили. Только тогда она вспомнила про спортивный костюм, но идти к себе и переодеваться ей уже не хотелось. Да и зачем? Костюм старый, выцветший, а халат хоть и ширпотреб, однако новый, с дешевым, но гляncем.

– Давай, начинай, – сказал Вадим, поднимая руку, в которой держал невидимую дирижерскую палочку.

– Что начинать? – Полина инстинктивно сдвинула ноги.

– Уговаривай меня не разводиться с Варварой, – проговорил он и улыбнулся, уловив нездоровое брожение в ее мыслях.

От стыда ее бросило в жар. Не очень приятное ощущение, зато уже не холодно.

– Не разводись.

– А если мы с ней разные люди?

Полина пожала плечами. Мама умерла – это трагедия, а развод – всего лишь несчастье. Его можно пережить, смириться с ним.

– А если мне нужна жена, которая меня понимает?

– Это не ко мне, – сказала Полина и отрицательно качнула головой.

– Почему не к тебе? – спросил Вадим, поднялся с кресла, подсел к ней, мягко обнял за плечи, привлек к себе.

Полина снова увидела себя на плоту. Волна под ним бурлила, качалась, а Вадим еще и раскручивал его, создавал водоворот. Ей жутко хотелось кружиться вместе с ним, но халат мешал, стеснял движения.

– Может, я на тебе жениться хочу! – шепнул он, и его губы коснулись уха.

Полина знала себя. Одно такое прикосновение способно было вызвать в ней волнение, от которого могли отняться ноги. Но руки ее почему-то окрепли.

– Пошел вон! – выкрикнула Полина, резко развернулась к нему, с силой толкнула в грудь.

Вадим упал на спину, раскинул руки и подниматься не стал.

– Ты меня убила! – заявил он и усмехнулся.

– Лучше бы ты... – Полина осеклась, приложила пальцы к губам, чтобы ни одного слова не прорвалось.

– Что «лучше бы ты»?

– Ничего!

Не собиралась она делиться с этим наглым типом своими секретами. Там, на кухне, Полина разомлела от брожений в голове и ниже. Он мог взять ее тепленькой прямо на месте. Подошел бы к ней, обнял, усадил на разделочный стол...

Зачем только Вадим рассказал ей про Варвару? Лучше бы он этого не делал.

– Ну, извини, если обидел, – сказал он и поднялся.

– Оставь меня в покое! – потребовала она.

– Мне уехать?

– Просто оставь меня в покое.

Вадим, конечно, сволочь, ему здесь не место. Но без него дом превратится в гроб, который медленно, год за годом будет опускаться на дно могилы. Полина здесь будет не жить, а доживать.

– Выпьем? – осведомился он.

– Только ничего не говори.

– Совсем ничего?

– Замолчи!

Какое-то время Вадим изучающе смотрел на нее, затем кивнул, взял бутылку, наполнил до краев рюмки. Полина вовсе не хотела знать, почему он разводится с Варварой, не важно, кто прав, а кто виноват. Если они помирятся, то Полина будет только рада.

Они выпили, повторили.

Вадим вышел из дома, тут же вернулся и сказал:

– А у тебя там банька топится.

Полина молча кивнула. Дрова в печи уже прогорели, но жар остался. Забросить несколько полешек, подождать немного, и можно начинать. Или даже продолжать. Вместе с Вадимом. С ним не страшно. Даже если мама возмутится, осудит, все равно не страшно...

Полина до боли закусила нижнюю губу. Какая мама, какая баня, о чем она, дура, думает?

– Можно? – спросил Вадим.

– Нужно.

Ну да, почему бы человеку не помыться с дороги?

– Может, вместе?

– Вместе, говоришь? – Полина поднялась, склонила голову, искоса посмотрела ему в глаза, выискивая в них наглого похотливого зверя, чтобы сказать ему пару ласковых.

– Ты чего? – настороженно спросил Вадим.

Полина медленно подошла к нему и с силой толкнула в грудь. Вадим не удержался на ногах, упал, но тут же поднялся.

– Совсем спятила? – растерянно, даже испуганно спросил он.

– Пошел вон!

– Ты что, шуток не понимаешь?

Полина вспомнила про отцовское ружье, открыла дверь в родительскую спальню, остановилась на пороге.

– Если ты сейчас не уедешь, то я тебя застрелю! – заявила она и только после этого зашла в комнату.

Ружье она нашла, а Вадима – нет. Слышно было, как за окном завелся двигатель его машины. Ворота Полина открывать не стала. Он прекрасно справился с этим и без нее.

Вадим уехал, и тоска вонзилась в Полину всеми своими шипами. Слез не было. Ей казалось, что они свернулись в кашицу, как молоко – в простоквашу.

Впрочем, Полина знала, чем себе помочь. Крепкий коньяк пился легко и вкусно. Она не торопилась, но скоро первую бутылку сменила вторая.

А когда на донышке осталось совсем чуть-чуть, в доме появился Миша.

«А вдруг это и не он вовсе, а леший с болот? Люди говорят, их здесь много по ночам шляется, крутятся у озера, по всем его берегам», – подумала Полина.

– Да ты, мать, надралась! – заявил Миша.

Полина согласно кивнула. Ну да, выпила она, конечно, немало, однако это никого не касается. Баба она одинокая, мужа нет, ругать некому, а завтра выходной, на работу не надо.

– Что там у тебя?.. – Миша двумя пальцами взял бутылку за горлышко, поднял, поднес к глазам, посмотрел на этикетку. – От сестренки осталось?

Полина опять кивнула. Это Миша ей от сестренки остался. Как геморрой на голову.

Хотя, если присмотреться, не так уж все и страшно. Миша такой здоровый, сильный, и внешность у него вовсе не отталкивающая. К тому же он свободный мужик. Ларка с ее бешеным передком не в счет. И вообще, он свой, с ним все понятно. А вот Вадим чужой, сам черт сломит ногу в его голове.

– Тебе уже не надо, – сказал Миша, приложился к горлышку, выпил все, поставил бутылку на пол, сел на диван, обнял Полину за плечи, притянул к себе.

Она не сопротивлялась. А зачем? Он же под юбку не лезет.

– Помню, мы с твоей Варькой... – проговорил он.

Полина предостерегающе дернула плечом. Не хотела она слышать гадости про свою сестру, а Миша мог сболтнуть лишнее. Это ведь с ним Варвара лишилась девственности. Полина точно знала это. Варвара-краса, леди совершенство, и вдруг отдалась какому-то мужлану. Или она полная дура, или Миша вовсе не мужлан. Может, было в нем что-то такое-эдакое, раз уж Полина ревновала его даже сейчас, пусть и не совсем всерьез, но все же.

– А ты завидовала, да? – спросил Миша.

– Отвали!

Полина не знала, завидовала она сестре или нет. Спору нет, Миша волновал ее детское воображение, но глубоко не трогал. Ей было совершенно все равно, чем

они с Варварой занимались в кустах. Как-то мимо все прошло, не оставило на душе даже маленького шрама. Это сейчас она зрелая, много чего повидавшая женщина. Миша не первый, кто мнет ее грудь, расстегивая пуговицы халата. Соски наливаются желанием. В животе, как в улье, роятся пчелы.

– Эй! – спохватилась Полина.

А Миша действительно дал волю своим рукам. Он уже почти снял с нее халат, задрал рубашку, а она только сейчас поняла это. Надралась дура, потеряла стыд.

Но вырваться ей не удалось, Миша держал ее в своих медвежьих объятиях крепко, но мягко.

– Я же не просто так, – пробормотал он. – Я же тебя замуж зову.

От него пахло баней и цветочным мылом. Одно это уже свидетельствовало о серьезности намерений тракториста. И выбрился он, и вымылся, прежде чем идти к любимой женщине. Для Миши это был самый настоящий подвиг.

– Уж замуж невтерпех, – пробормотала она и закрыла глаза.

И уж ей нужен, и замуж давно пора, а внутри все горит, трепещет. А Миша напирает, душа кричит, зовет. Халат снят, рубашка задрана. Миша не останавливается. Еще немного, и такое начнется!..

Но Полина не должна кружить с Мишей в водовороте. Рано еще, не готова она к этому.

– Пусти!

Полина дернулась, попыталась оттолкнуть Мишу, но этот исполин ее не отпускал. У него было много женщин. Он знал, чем чаще всего заканчиваются их взбрыки. Да и Полина понимала, что ей не уйти от него. Да и зачем бежать, если хочется покрепче, погорячей?

– Отвали от нее, урод! – заорал вдруг кто-то.

Полина даже не вздрогнула. Она подумала, что напилась до чертиков, до слуховых галлюцинаций. Или это одно и то же? Хорошо, если Миши тут тоже нет. Пусть это будет всего лишь пьяный сон.

– Ты что, не слышишь? – Какой-то мужчина схватил Мишу, с силой потянул на себя, оторвал его от Полины.

Перед ее глазами мелькнуло лицо Вадима, искаженное злобой.

Но взбесился и Миша. Он вскочил, развернулся, опрокинул стол, схватил Вадима за грудки, оттолкнул и тут же ударил кулаком в лицо. Тот упал, стал подниматься, но Миша навалился на него, схватил за голову и шарахнул затылком об пол.

– Ты на кого наехал, гнида? – взревел он.

– Пусти его! – крикнула Полина, трезвея от собственного перепуганного голоса.

Но Миша не слушал ее. Он снова приложил Вадима головой об пол. А доски тяжелые, крепкие как бетон.

– Скотина! – провопила Полина, вскочила с дивана, налетела на Мишу и схватила его за шею.

Но это не помешало ему снова ударить Вадима.

А затем он взялся за нее, скинул с себя, сгреб в охапку, швырнул на диван, навалился, раздвинул ноги. Полина визжала, царапалась и кусалась, но Мишу остановить не могла. А Вадим лежал на полу без сознания. Он просто не мог помочь ей.

– Я тебя посажу, мразь! – крикнула она, пытаясь выкрутиться из-под насильника.

Но Миша уже закусил удила, просто не мог остановиться. Полина крутилась под ним, не давала ему приноровиться, но силы быстро покидали ее.

Тут ему на голову и опустилась бутылка, посыпались стекла, запахло коньяком. Миша потерял сознание, тело его обмякло. Полина просто не в состоянии была скинуть с себя эту тяжесть.

На помощь ей пришел Вадим. Он толкнул бесчувственного Мишу на пол, навалился на него, но вдруг замер, как будто лег на перину и мигом заснул.

– Эй, ты чего? – Полина тряхнула Вадима за плечо, но тот молчал, не откликался.

Похоже, он сделал свое дело и снова потерял сознание.

Полина уложила его на спину, нащупала пульс и пошла за ружьем. Она решила, что сначала приведет в чувство Мишу, надо будет – нашпигует его картечью. Этого идиота совсем не жалко.

Глава 3

Челюсть доктора вправили, хрящи носа совместили, постельный режим обеспечили. Миша повел себя как животное, избил Вадима до сотрясения мозга, извинялся потом долго, сам за врачом съездил. Полина его не простила, а Вадим извинения принял, заявление участковому писать не стал, предпочел решить дело миром. Но и в Москву он уезжать не захотел, остался у Полины.

Сотрясение было не особо сильное, головные боли Вадима не мучили. Для питания мозговых клеток и улучшения кровообращения врачи выписали ему пирацетам, для укрепления сосудов – кавинтон. Уколы делала Полина.

– Рука у тебя легкая, – сказал Вадим, укрывшись одеялом. – Совсем не больно.

Он смотрел на Полину так, как будто пытался ее заморозить. Она не выдержала, отвела в сторону взгляд. Нравился ей Вадим, даже очень, но нельзя было поддаваться чувствам. Полина очень хорошо это понимала.

– Тебе домой надо, – сказала она.

– Я его Варваре оставляю. И квартиру, и дом. Может, и бизнес отдам. – Вадим смотрел ей в глаза с улыбкой отчаянно смелого человека, стоявшего на эшафоте с петлей на шее.

Он готов был пожертвовать своей жизнью, но не ради Варвары, а во имя Полины.

Но она не хотела обсуждать с ним столь щепетильные вопросы, лезть в чужой монастырь со своим уставом.

– Ты Варваре это скажешь, ладно? А я пойду, – сказала Полина, закрывая коробку с лекарствами.

– Куда ты? – Вадим поймал ее за руку.

Красивый мужчина. Лицо распухло, синяк под глазом, а все равно ой как хорош собой.

– Как это куда? Работы много.

– Ты же только что пришла. – Он взглядом показал в сторону поселка, продолжая держать ее за руку.

– С одной работы на другую. Полы вымыть надо.

– Руки у тебя сильные, – сказал Вадим и провел пальцами по ее ладони.

Полина захмелела от пьянящих ощущений. Ноги не отнялись, но мышцы ослабли. Ей никуда не хотелось идти. Присесть бы, но вдруг Вадим воспримет это как первую уступку, вслед за которой должна последовать и вторая? Уложит он ее на спину возле себя, проведет рукой по груди, она и растает.

– И нежные. Такие руки беречь надо, – продолжил он и приложился губами к ее ладони.

От наплыва чувств Полину шатнуло. Она вырвала руку, но не ушла. Сначала ей надо было восстановить ориентацию в пространстве.

– Нельзя тебе здесь одной с таким хозяйством.

– Ничего, как-нибудь управлюсь.

– Ты меня к себе возьми.

– Как это возьми?

Щеки у Полины стали вдруг красными. Она повернулась к окну, чтобы Вадим этого не видел.

– Бизнес-то я отдам, а деньги оставлю, – сказал он. – Я, знаешь ли, всю жизнь мечтал в деревне жить. Огород есть, птица есть, корову заведем, будем жить, не тужить.

– Корову, стало быть. – Полина пожала плечами.

Корова денег стоит, ее кормить надо, а сено дорогое, пять тысяч за тонну. Опять же овощи нужны, зерно, все, без чего рацион животного будет неполным. Неправильное кормление приводит к болезни, а лечение коровы – удовольствие не из дешевых. И коровник чистить – не самое приятное занятие. Ходишь потом, навозом воняешь.

Впрочем, сено можно и накосить. Вокруг дома только трава и растет, а земля своя, в лесничестве билет брать не надо. Если будут крепкие мужские руки, то и корову можно завести, и козу, и даже овец.

– Все у нас будет. – Вадим мечтательно улыбнулся.

Полина будто очнулась, недоверчиво глянула на него. Во-первых, не потянет он крестьянский воз. Вадим плоть от плоти городской человек, сельская жизнь для него – романтическая пастораль, хрупкая мечта, которая с легкостью разобьется о первую же реальную трудность. Да и не имела она права строить на него планы. Не могли они быть вместе даже после того, как он разведется с женой. Полина не способна предать сестру.

– Днем работаем, а в субботу вечером достанем из погреба самогоночки, солененьких огурчиков! – Вадим стал подниматься с кровати.

Полина слышала, как заскрипели пружины, но протестовать не стала. Не так уж и нужен ему постельный режим. Главное, не делать резких движений.

– Банька – само собой. Намоемся, напаримся. – Вадим подошел сзади, прижался к ней.

Полина просто не могла оттолкнуть его. Вдруг упадет, ударится головой? Она же медсестра, ей заботиться о больном нужно.

– Ты же любишь веничком? – Он провел руками по ее животу к бедрам, натягивая на ней шерстяное платье.

Вадим похож был на вулкан, такой же горячий и такой же пульсирующий.

Полина закрыла глаза, не в силах справиться с искушением.

– Пожалуйста, не надо. – Она мотнула головой.

– Ты же хочешь?

– Ну, пожалуйста! – взмолилась Полина.

Его руки уже мяти ее грудь, и она даже не пыталась их скинуть. Остановить Вадима Полина могла только словом.

– Я же серьезно. Разведусь с Варварой, женюсь на тебе.

Его жаркое дыхание отключало ее волю. Полина едва держалась на ногах.

– Я себе этого никогда не прощу, – пробормотала она.

Варвара ее почему-то не очень пугала. Она давно привыкла к вывихам в сознании старшей сестры. В чем только Варвара ее не обвиняла, даже за Мишу

сказала пару ласковых. За Вадима она будет дуться, скорее всего, накричит, может быть, даже проклянет, но Полина это как-нибудь переживет.

Но ее будет грызть и терзать собственная совесть. Вдруг она проклянет сама себя?

А совесть уже заговорила, даже закричала, взбрыкнула как лошадь. Полина и сама ничего не поняла, а Вадим отлетел от нее, уцепился за кровать, но не удержался на ногах и сел на пол.

Разворачиваясь к нему, она бросила взгляд в окно и увидела красную машину, подкатывающую к дому. Варвара уже приезжала на ней к маме.

– Ну и силы в тебе! – с досадливым восхищением сказал Вадим и поднялся на ноги.

– А в тебе?

– Что во мне? – осведомился он. – Если ты насчет Миши...

– Нет, насчет Варвары. Она уже здесь. Я пойду открывать, а ты... – Полина запнулась.

Совсем не обязательно командовать чужим мужчиной. Пусть он сам решает, как ему быть, лечь в постель или бежать к жене с повинной головой.

Она набросила куртку и вышла из дома, когда Варвара уже открывала калитку. Волосы у нее распущены, как у воинственной амазонки, макияж агрессивный, на манер девочки по вызову, короткая кожаная куртка с меховым воротником, джинсы с накладными карманами. Даже одежда боевая. Движения резкие, энергичные. Из глаз летели молнии и пронзали Полину насквозь.

– Где Вадим? – зло спросила Варвара, кивком показав на внедорожник мужа.

– В доме.

– Сказать, кто ты?

– Я-то здесь при чем?

– Тварь! – Варвара ударила наотмашь, быстро, хлестко, ладонью по щеке.

Из глаз у Полины брызнули слезы. Не столько от боли, сколько от обиды.

Ответить тем же, ударить, не решилась. Да и Варвара не собиралась ждать, когда младшая сестра созреет, рванула к дому, скрылась за дверью. Полина пошла за ней, но у порога остановилась. Незачем ей вмешиваться в семейную ссору. Пусть милые тешатся без нее и поскорее убираются к черту.

Откуда-то из глубины дома донесся истерический визг. Это Варвара общалась с мужем.

Полина усмехнулась. Теперь она знала, почему Вадим ушел из дома. Разве можно жить с такой психичкой? Но это ведь их дела, пусть они сами разбираются.

Полина побрела к бане по бетонной дорожке, местами усыпанной комьями свежей земли. Трактор позавчера проходил совсем рядом. Земля летела с колес, с плуга. Надо будет убрать, подмести и пашню подровнять, чтобы смотрелась как на картинке.

Полина и дом до блеска вычистит, и во дворе у нее все будет блестеть. Да она спать не ляжет, пока не наведет везде образцовый порядок. А чем ей еще заниматься, когда дом опустеет?

Не будет Вадима, увезет его Варвара. С одной стороны, это хорошо, а с другой – так плохо, что аж выть хочется. Не хотела она терять Вадима, жить без него и дальше.

Полина зашла в баню, механически задвинула засов, опустилась на скамью, уложила голову на грудь. Холодно здесь. Неплохо было бы затопить печь, но лень шевелиться. Все потом. Вадим уедет, она соберется с мыслями, осознает потерю, смирится с ней, а после этого уже и за дело сможет взяться. А если

замерзнет, околеет, значит, так тому и быть.

Шло время, за окном дул ветер, облысевшая груша тоскливо скребла ветвями по железной крыше. Вадим не появлялся, да Полина на это и не надеялась. Если она и ждала его, то втайне, тихо, чтобы не вспугнуть счастье. Оно находилось где-то далеко, но смотрело в ее сторону.

Полина боялась надеяться на чудо, может, потому оно и не происходило. Прошло не меньше часа, а Вадима все не было. Да и не могло быть. Уехал он. Вместе с Варварой или порознь, это уже не важно. Нет Вадима, и больше не будет. Может, это и к лучшему, но почему на душе так плохо?

Кто-то подошел к двери, взялся за ручку, дернул.

Полина вздрогнула. Неужели Вадим? А если Миша?

Дверь снова дернулась.

– Полина! – Это был голос Вадима, в нем звучала тревога.

Она вспорхнула, открыла дверь. Вадим увидел ее и облегченно вздохнул.

– Уф!.. А я думал... – Он осекся, не решаясь сказать.

– Что ты думал? – Полина, затаив дыхание, смотрела на него.

– Да мало ли. Ты принимаешь все слишком уж близко к сердцу.

Благодарная улыбка тронула ее губы. Полина могла наложить на себя руки. Это его и пугало. Он беспокоился, переживал, потому что не хотел терять ее.

– Что я принимаю?

– Я понимаю, Варвара твоя сестра, но жизнь есть жизнь. И в том, что произошло, твоей вины нет.

– Что произошло?

– Мы с Варварой разводимся. Я остаюсь с тобой.

Вадим нежно улыбался, посматривая на нее. Но Полина видела в его глазах не только желание быть вместе. Там был еще и страх перед будущим. А вдруг что-то пойдет не так и он разочаруется в своей новой жизни? Она делала крутой поворот, а на виражах заносит. Если не справиться с управлением, то можно вылететь в тартарары.

– Где Варвара? – спросила Полина.

– Уехала. А мы с тобой тут остались.

– И что дальше?

– Завтра ты не пойдешь на работу, тебе это не нужно. Я буду твоим кормильцем.

– Я не знаю.

Стало страшно и Полине. Черт с ней, с Варварой, она сама во всем виновата. Вадим разочаровался в старшей сестре. Вдруг он откажется и от младшей? Полина должна была ужом закрутиться, но удержать его. А если не сможет, не справится?..

– А тебе и не надо ничего знать, – с улыбкой проговорил Вадим. – Знать за тебя буду я. А твоя задача – во всем слушаться меня. Пошли, сделаешь мне укол. Что-то голова разболелась. Твоя сестра – ходячий филиал ада.

Полина качнула головой, отказываясь обсуждать Варвару, но ничего не сказала. Она взяла Вадима под руку, провела его в дом, уложила в кровать, сделала обезболивающий укол.

Варвара уехала, Вадим остался с ней, и это уже свершившийся факт. Он сам предложил Полине новую жизнь, взял ее за руку. Все это хорошо. Но сложится ли у них, сумеет ли Полина его удержать?

Страх вернулся к ней, ледяными руками развел душу на две половинки. В доме было тепло, но ее залихорадило, затрясло в ознобе.

– Что с тобой? – Вадим обеспокоенно посмотрел на нее.

– Да нет, ничего.

– Это у тебя от волнения. Тут водка нужна.

Полина пожала плечами. Не хотелось бы ей начинать новую жизнь с водки, но если Вадим настаивает, то она, в общем-то, не против.

– Для наружного применения, – сказал он. – Сначала горячего чая с малиной внутрь, а потом водка снаружи.

– Можно просто чай, – сказала она, прошла на кухню, поставила на плиту чайник и мечтательно глянула на пузатый, сверкающий медью самовар.

Жаль, угли в печи давно уже остыли, а так они пили бы чай из самовара. Но у них еще все впереди. Если, конечно, судьба не смеется над ней.

Сейчас они с Вадимом выпьют чаю с остатками вчерашнего пирога, и она возьмется за стряпню. Он будет лежать в кровати как король, а Полина станет обхаживать его, пельменей ему налепит, блинов напечет.

Она выпила чаю с малиной. Ей стало теплей, но Вадим не успокаивался.

– Ложись! – потрясая чекушкой, сказал он. – Не стой столбом, раздевайся!

Вадим развернул ее к себе спиной, расстегнул молнию на платье. Полина и опомниться не успела, как уже лежала в его в кровати в одних только трусиках, животом вниз. Он накрыл ее одеялом до пояса, плеснул на спину из бутылки, провел рукой вдоль позвоночника, как шваброй по полу, на мгновение замер, с силой выдохнул и стал втирать водку в кожу. Движения размашистые, энергичные, но вместе с тем нежные, даже ласкающие. Водка пьянила так, как будто Полина употребляла ее внутрь. Вадим тер ее спину, а разгорячилась и грудь. Полина по-прежнему дрожала, но уже вовсе не от холода.

Вадим перевернул ее на спину. Она инстинктивно закрылась руками, но с легкостью позволила развести их в сторону. Он плеснул водки ей на живот, но растирать не стал, низко наклонил голову, губами коснулся пупка. Полина едва не засучила ногами от нетерпения.

– Ну, за нас! – сказал он и втянул в себя водку с ее живота.

Полина даже не дернулась, когда Вадим быстрым, напористым движением стащил с нее трусики. Она с жадностью обжала ногами его бока, когда он забрался на нее.

– Ты никогда об этом не пожалеешь, – сказал Вадим, вталкиваясь в течение новой жизни.

Сначала оно было спокойным, затем ускорилося, поднялась волна, река забурлила, где-то над ухом у Полины закричали чайки. Вадим управлял челном уверенно, крепко держал руль прямо по курсу и не свернул, когда в дно ударил тупой подводный камень, за ним второй, третий, толчок за толчком, как по стиральной доске. В борт угодила молния, чайки закричали еще громче. А потом тишина, солнце и покой. Рифы исчезли, руль был повернут набок.

Вадим тяжело дышал, обнимал ее.

– Сейчас бы закурить, – сказал он.

– Ты же не куришь, – пробормотала она.

– Варвара заставила бросить.

– И правильно.

– Что-то правильно, что-то нет. Зачем она с этим?.. – Вадим не стал продолжать, махнул рукой.

Он обнимал Полину, но как будто без души, думал о чем-то своем.

– С кем?

– Может, врет?.. Ты можешь соврать назло?

– Смотря в чем.

– У тебя с Мишей что-то было? Может, я тогда не вовремя зашел? Неправильно понял?

– Не было у нас ничего.

– Соврать можешь, – сказал Вадим. – Но не назло.

Полина вскочила, села, плечом прижалась к задней спинке кровати.

– Не было у нас ничего!

– Варвара говорит, что было.

– У Варвары язык без костей! – Полина мотнула головой до хруста в шейных позвонках.

– Вот и я думаю, что врет. Может, не спала она с этим мужланом? – с надеждой спросил Вадим.

Наконец-то Полина поняла, что у него болит. И еще она знала, чем его лечить. Но для этого ей нужно было заступиться за сестру.

– С Мишей? Нет, не спала она с ним.

– А мне сказала, что спала! – Вадим зло сжал кулак.

– Зачем? – спросила Полина и озадаченно посмотрела на него.

– Нравится он ей, – упавшим голосом сказал он. – Всегда нравился.

– Варвара может соврать назло.

– Вот и я думаю, что соврала.

– Соврала, – подтвердила Полина.

Она все поняла. Варвара наговорила мужу гадостей, хотела разозлить его и сделать ему больно, вот и приплела Мишу. Не суть важно, изменяла она или нет. Главное, что Вадима мучают сомнения. Это значит, что он любит Варвару, ревнует ее, когда-нибудь вернется к ней. И правильно сделает! Так ей, Полине, и надо!

Она поднялась, оделась, в калошах на босу ногу из теплого дома вышла в холод, но не замерзла, всего лишь остудилась. Ей нужно было успокоиться, осознать свое падение, приноровиться к новой жизни, научиться радоваться крошкам с чужого стола. Еще она не должна позволить этим крошкам засохнуть от тоски.

Полина заполнила водой котел и баки, затопила баньку, вернулась в дом, замесила тесто под пельмени, накрутила фарш. Ужин готов был к сроку, водочка под пельмени пошла с ветерком. Вадим накупался, напарился, добавил внутрь огонька, повеселел, перестал думать о Варваре.

Ночью он забрался к Полине под бочок. Отказывать она не стала. В этом уже не было никакого смысла.

Проснулась она рано, затопила печь, накормила собаку и птицу, выбрала из топки угли, поставила в жар горшок с пшеном, залитым молоком. Кашу можно было сварить и на газовой плите, но Вадим хотел, чтобы она протомилась в печи, а ради него Полина готова была и не на такие трудности. Она даже самовар на углях растопила. Вдруг Вадим проснется и захочет чайку?

Но Вадим не проснулся, а будить его Полина не стала. Она закутала кашу в старое покрывало, выкатила из амбара велосипед и отправилась в поселок. Всю дорогу в лицо ей сыпал мелкий снег. Начало ноября, морозы уже где-то рядом. Скоро земля станет белой, дороги заметет, завьюжит, о велосипеде придется забыть. До поселка всего полтора километра, на лыжах пятнадцать минут в

спокойном темпе.

Амбулатория размещалась в деревянном доме со старой покосившейся крышей и новыми пластиковыми окнами. Сторож в штате не предусматривался, как и техничка. Полы мыла Полина, приходила пораньше и принималась за уборку. Девушка она шустрая, управлялась за двадцать минут в кабинетах хирурга и терапевта, процедурной, прививочной и, конечно же, в коридоре. А торопиться некуда, врачей нынче не будет. Терапевт был вчера, у хирурга прием завтра.

Работы на сегодня немного. Мария Михайловна прокапаться придет, дяде Савелию укол надо будет сделать, еще к Игорю Дмитриевичу на дом сходить. Анализы вчера пришли, надо бы отнести, поговорить, проконсультировать. Сам он уже давно не ходит, а дочери некогда. У нее на ферме дел непочатый край.

Полина управилась с уборкой, продезинфицировала кабинет, поставила чайник. А когда вода закипела, появился Миша и заполнил собой весь кабинет.

Полина окинула его оценивающим взглядом. Выбрит чисто, одеколоном пахнет, кепка новая, меховая, куртка с иголки, нейлоновая, но с кожаными вставками. Уж не Варвара ли его облагодетельствовала?

– Чайку попьем? – спросил он, потирая руки.

Они у него крестьянские, мозолистые, заскорузлые, под ногтями грязь.

– Ты на прививку?

– Можно и на прививку.

– Тебе стерилизация показана. После двух уколов само все отсохнет.

– Да ладно тебе, – цокнув языком, сказал Миша. – Ты же сама была не против. А потом этот красавец появился. Зачем он на меня набросился? Нормально же все у нас было.

– Ненормально, – сказала Полина, но чаю Мише налила, стул поставила, вазу с печеньем пододвинула.

– А этот Гаврилов еще у тебя? – осторожно спросил он.

– И Гаврилова вчера была.

– Да, знаю.

– Ты с ней спал? – стараясь казаться невозмутимой, спросила Полина.

– Ну, было когда-то. В смысле, сейчас спал? – спохватился Миша.

Он еще не решил, правду сказать или солгать, но губы его уже растянулись в паскудной улыбке.

– Я тебе три укола сделаю, если соврешь, – и в шутку, и всерьез пригрозила Полина.

– Да нет, сейчас не спал. Она-то хотела, но мне ты нравишься. Нет, правда! – Миша посмотрел на нее глазами преданной собаки, но с человеческим лукавством в уголках рта.

Может, и нравилась ему Полина, но и от Варвары он не отказался бы, будь на то его воля.

– Гони ты этого Гаврилова в шею, толку с ним у тебя не будет. Наиграется и бросит.

– А с чего ты взял, что он играет? Вадим – муж моей сестры. Он имеет право жить в моем доме. Просто жить.

– А чего ты оправдываешься? – спросил Миша и хитро сощурился.

– Я не оправдываюсь!

– А покраснела чего?

– Не краснела я!

– Стыдно тебе, да? Вот и мне за тебя стыдно!.. За легкой жизнью погналась? Так не будет тебе легкой жизни! Не отпустит тебя земля, здесь, на ней, и останешься. Со мной. Если я захочу и на Ларке не женюсь.

– Плакать не стану.

– И я не стану, когда тебя твой москвич бросит, – сказал Миша.

Полина и сама понимала, что рано или поздно Вадим оставит ее. Оттого ей и стало горько до слез.

– Уходи! – заявила она, резко вскинула руку и показала пальцем на дверь.

Миша кивнул, поднялся, открыл дверь.

Уже в коридоре он обернулся, натянул кепку на глаза и сказал:

– Но смеяться не стану.

Миша ушел, не дожидаясь ее ответа.

Полина коснулась пальцем кончика носа, как будто это могло сдержать слезы, наворачивающиеся на глаза.

Глава 4

Зима в деревне – лучшее время года. Огород под снегом, живности минимум, только печку топи да за домом смотри. И комарья нет. Еще снег чистить нужно от порога до ворот и до баньки вдоль сараев.

Вадим протоптал тропинку до озера, подледной рыбалкой увлекся. Полина с утра на работу, а он за удочку. Наловит окуньков, она придет, пожарит или ухи

сварит. Не столько для пропитания, сколько ему на радость.

Но рыбалка его уже не радует, банька не вдохновляет. Работой он себя не тешит, иногда, по настроению, нарубит дров, снег почистит, но в основном все она. Да и свободного времени у Вадима все меньше и меньше. В ноябре лишь однажды в Москву ездил, а за декабрь – пятый раз уже. Бизнес у него там, пригляд за делами нужен.

Полина все понимала и Вадима не держала. Да и не могла она, не имела на это права. Он ведь пришел к ней из чужого мира.

Не было его дома и сейчас. Вчера еще уехал, с утра. Отвез ее на работу, и до свидания. Сказал, что сегодня вернется, но Полина как-то не очень ему поверила.

Сегодня снег чистить не надо, он не падал. Небо ясное, мороз сухой, мягкий, дышится легко, и лыжи по снегу идут ходко. Путь от поселка к дому Полина одолела всего за десять минут.

Машины во дворе не было, пустующий дом потихоньку остывал.

Не раздеваясь, Полина набрала в охапку дров, занесла в избу, растопила большую печь, на кухне замесила тесто под пирог. Об обеде она не думала. Если Вадим и приедет, то только к ужину.

Дверь в родительскую спальню была приоткрыта. Проходя мимо, Полина вдруг увидела маму, лежащую на кровати маму. Она остановилась, повернула назад, заглянула в комнату. Нет, конечно. Кровать заправлена, подушки в наглаженных наволочках одна поверх другой, высокой пирамидкой.

«Не приедет он», – шепнула ей на ухо Варвара.

Полина явственно услышала ее голос, даже забрела в спальню старшей сестры, но там никого не было.

А за окном слышался треск тракторного двигателя. К дому подъехал Миша.

Полина набросила на плечи старое парусиновое пальто, вышла к воротам и увидела, как он отцепляет от трактора елку, привязанную к нему.

– А я просила? – недовольно спросила она, глянув на дорогу, идущую в сторону поселка.

Как бы Вадим не появился, не увидел эту самодеятельность. Миша для него как соль на рану. Не будет он рад этому визиту.

Елочка была очищена от снега, сжата, обвязана веревкой. Но можно было не сомневаться в том, что Миша привез ее из леса, а не с новогоднего базара.

– Я Новый год без елки встречать не стану, – заявил он и улыбнулся.

– Так домой и вези.

– Вместе встречать будем! – сказал Миша, вскидывая елку на плечо.

– Нет!

Калитка была заперта, но Полина еще и подперла ее собой, чтобы Миша точно не смог открыть. Пусть проваливает отсюда вместе со своей елкой.

– Где твой москвич? – осведомился Миша, бросив взгляд за ворота, где должен был стоять внедорожник Вадима.

– Не твое собачье дело!

– Я не собака! – заявил Миша, нахмуренно, исподлобья глянул на Полину, взял елку за нижний срез и с силой швырнул в нее.

От страха Полина вжала голову в плечи, но елка – большая, пушистая, тяжелая – пролетела над ней с такой легкостью, как будто не весила ничего. Дружок испуганно взвизгнул и едва увернулся от непрошеного подарка.

– И даже не кобель, – отряхнув ладони, обиженно сказал Миша. – Я к тебе серьезно, а ты этого не понимаешь.

– И ты не понимаешь, – сказала Полина. – А должен уразуметь, что не хочу я с тобой. Иди к Ларе, она тебя ждет.

– Лара!.. – Миша скривился. – Такая же дешевка, как и ты.

– Ну, спасибо тебе! – Полина всплеснула руками.

– Кушай, не подавись!

Миша зло глянул на нее, запрыгнул в свой трактор и, не закрывая дверь, в тулупе нараспашку поехал дальше, по дороге, которая тянулась вдоль озера к соседней деревне.

Полина какое-то время глядела ему вслед, потом повернулась и заметила ту самую машину, показавшуюся из-за поворота. Она просияла и бросилась открывать ворота. Может, Вадим и чужой, но любила она его как своего, радовалась каждому дню, любому часу, проведенному с ним.

Вадим улыбнулся, выходя из машины. Зубы его блеснули на солнце, но взгляд не прояснился, так и остался каким-то пасмурным.

– Что это на тебе такое? Зачем ты надела это пальто? – спросил он.

Вадим терпеть не мог старье, обновил ее гардероб, заставлял носить платья и тонкие чулочки. На зиму он купил Полине две дубленки, короткую и длинную с песцовым воротником. Да и на косметику денег не жалел. В принципе, все правильно. Женщина должна быть ухоженной, но все равно такая забота напрягала Полину. Вадим наверняка постоянно сравнивал ее с Варварой.

– А в чем еще этого медведя встречать? – Полина кивнула вслед трактору, еще заметному вдалеке.

– А ты встречала? – глянув на елку, спросил Вадим.

– За ворота не пустила.

– А он, стало быть, тебе елку привез, да? – Вадим в раздумье глянул на свою машину, в которой также могла бы находиться елка.

Но не было там ничего такого, а до Нового года осталось всего четыре дня.

– Я его не просила.

– Так его никто не просит. Ну, если только... – Вадим не договорил, скривился.

– Не было у них ничего с Варварой.

– Это он тебе сказал? – с капризным недовольством спросил он.

– Говорил, – ответила Полина, вспомнив давний разговор. – Наврала тебе Варвара, хотела позлить.

– А то я этого не знал! – заявил Вадим.

Он продолжал кривить лицо, но изнутри просветлел, как будто солнце выглянуло в узкий разрыв между темными тучами.

– Как она там поживает? – упавшим голосом спросила Полина.

Вадим так и не развелся с Варварой, и бизнес их остался за ним. Он мог встречаться с женой в своем офисе. Может, они просто там виделись, но не исключено было и нечто иное. Полина старалась не думать о плохом, хотела верить в хорошее, но себя-то не обманешь.

– Да нормально все у нее. Что у тебя на обед?

Полина кивнула и повела Вадима в дом. Она не стала говорить, что ждала его только к ужину, быстро начистила картошки и пожарила ее с колбасой, которая оставалась в холодильнике. Полина и баньку растопить успела. Он любил это дело с дороги.

Вадим ел молча, оживился, лишь когда Полина поставила на стол литровую банку клюквенной настойки.

– Ой как хорошо! А то у меня с утра что-то першит, – сказал он, приложив руку к груди.

– Сейчас бы в баньку, веничком.

– А потом в прорубь, – с улыбкой, но совсем не весело сказал Вадим.

– Зачем в прорубь? – осведомилась Полина.

Уж не собрался ли он топиться с тоски?

– Чтобы закаляться. Миша-то небось запросто в прорубь может сигануть, да?

– Не знаю. Я с ним в бане не была.

– Нет? Ты только не подумай, я не ревную. Пусть у вас что-то и было. Это твое право. Если до меня.

– Ни до тебя, ни после.

– А с Варварой у него что?

– Я же говорю, не было ничего.

– Ну, может, раньше что-то было?

– Не было. – Полина нашла в себе силы не отвести взгляд, но и в глаза Вадиму не посмотрела.

– Ну да, ну да, – погружаясь в раздумья, затихающим голосом проговорил он.

Вадим принялся за настойку. Полина его поддержала, а там и банька созрела.

Полина отхлестала его веничком, легла сама. Вадим старательно отшлепал ее от шеи до пят, но на этом все и закончилось. Он помылся, оделся и ушел, а ведь раньше обычно заставлял Полину опереться об верхний полоч, прижимался к ней сзади.

Полина вспомнила, как они толкались в баньке на прошлой неделе. Тогда она громко радовалась бабскому счастью, а вот сейчас почему-то нисколько не возбудилась. Напротив, ей стало плохо, к горлу подступила тошнота, унять которую захотелось соленым огурчиком.

«Не надо мне было принимать настойку. И кислая она, и сладкая, оттого и хочется теперь солененького», – подумала Полина.

А вот у Вадима клюквенная настойка отторжения не вызывала. Пока Полина готовила ужин, он порядком наклюкался, добавил под горячий пирог с мясом и окончательно захмелел.

– Хорошо тут у тебя, – сказал Вадим, глядя на Полину осоловелыми глазами.

– Но дома лучше. – Не хотела она этого говорить, но такое сравнение само из нее вылетело.

– А разве я не дома? – и у нее, и у самого себя спросил он.

– С Варварой тебе будет лучше. – Полина сказала это тихо, с тайной надеждой, что Вадим не услышит.

– Ты думаешь? – Он цепко глянул на нее.

– Думай ты.

– Мне с тобой хорошо.

– Хорошо-то хорошо, – поднимаясь из-за стола, проговорила Полина и ушла на кухню, оставила Вадима наедине со своими мыслями и с Варварой.

Маялся он здесь, места себе не находил, и Полина его понимала.

Спать Вадим лег рано. Полина управилась по хозяйству, пристроилась к нему. Он ее обнял и затих. Не хотел он ее больше. Даже алкогольный градус в крови не вдохновлял его на смелые желания.

Всю ночь во сне Полина ловила рыбу.

Утром она проснулась рано, как и всегда, в назначенный час была уже на работе.

Чуть погодя подъехал терапевт. Он-то и объяснил, к чему снилась ей живая рыба, вернее сказать, подтвердил ее собственное толкование, оказавшееся верным.

Домой Полина вернулась вовремя и застала Вадима возле елки, уже установленной в горнице.

Он нашел старые игрушки, половину развесил по веткам, глянул на Полину с улыбкой, но без особой радости и сказал:

– Лишь бы только дороги на Новый год не занесло.

– Это ты о чем? – невесело спросила она.

– Да корпоратив у нас тридцатого, не могу не быть, народ не поймет.

– Ну, если надо, то конечно. – Полина не хотела настраиваться на похоронный лад, но плохое предчувствие давило на душу.

– У Олега переночую, а утром к тебе. Нормально все будет, я смотрел прогноз, снегопадов не ожидается. Вместе встретим Новый год.

– С Варварой.

– Почему с Варварой?

Полине показалось, что Вадим заставил себя возмутиться.

– Да потому, что ты этого хочешь.

– Нет, не хочу я, – снова сфальшивил он. – И не надо меня провоцировать!

– Не буду, – сказала Полина.

Ей нужно было взбодрить себя, настроиться на мажорный лад. Мужчины не любят женщин, которые нагоняют на них тоску.

Полина отправилась на кухню. Там у нее уже все готово было для соуса с мясом, осталось только сложить это добро в утятницу и сунуть в духовку.

Сейчас она приготовит обед, потом расскажет Вадиму о своей беременности. Это, конечно же, обрадует его. Он ведь хотел ребенка, наверное, и с Варварой расстался именно из-за ее бесплодности. А Полина родит ему сына, затем дочь, а там и на близнецов можно будет замахнуться. Все у них с Вадимом пойдет хорошо, нужно только заставить себя поверить в свое счастье.

Но за стол Вадим сел с пресным выражением лица и отсутствующим взглядом. Мыслями он был где-то далеко, возможно с Варварой.

Полина решила не поднимать болезную тему, но Вадим заговорил первым.

– Полина, ты хорошая, – сказал он, глядя куда-то поверх нее. – Ты очень хорошая. Готовишь вкусно, хозяйка отличная. С тобой тепло, уютно...

– Но ты меня не любишь, – не удержалась она.

– Почему не люблю? – Вадим встрепенулся, приложил руку к груди. – Люблю! Просто... я даже не знаю, чего мне здесь, у тебя, не хватает. Все есть! А чего-то недостает. С Варварой ясно. У нее целый ворох всего. Но с ней все понятно.

– Хорошо, когда все понятно.

Полина вдруг поняла, что не сможет подняться из-за стола. Ноги откажутся держать ее. И тарелку в руки брать нельзя. Она выпадет из них и разобьется.

– Да, с одной стороны, может, и хорошо, а с другой – вовсе нет. Не могу я с тобой, – проговорил Вадим и отвел в сторону взгляд. – Душа у меня здесь не на месте.

– Я знаю, – сказала Полина.

– Ты уж меня извини.

– Я тебя прощаю и отпускаю, – через силу выдавила она из себя.

– Знаешь, я всегда знал, что ты самая лучшая, – произнес Вадим, поднялся, присел перед ней на корточки, ткнулся лбом в колени.

Из ее глаз покатились слезы, в горле застрял горький ком.

– Уезжай прямо сейчас.

– Можно? – Вадим поднял голову и посмотрел на нее глазами молодого орла, перед которым нежданно-негаданно распахнулась дверь сырой темницы.

– И не возвращайся, даже если очень этого захочешь! – Полина до боли кусала губы, чтобы не разрыдаться.

– Я обязательно захочу, – сказал Вадим и рванул в спальню.

Ему нужно было собраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/vladimir-kolychev/vechnost-i-esche-dva-dnya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)